

например, *tašrīn* (I, с. 259) вм. *tišrīn* «октябрь», *ʿahdum* (I, с. 499) вм. *ʿihdum* «служба». Дважды (I, с. 493; II, с. 324) неточно дано государственное название Алжира. Принципиально неверен пословный перевод на арабский язык названий гостиниц «Штадт-Лейпциг» (II, с. 522) и «Штадт-Берлин» (II, с. 524, 527), улицы «Унтер-ден-Линден» (II, с. 957), площади «Александр-платц» (II, с. 1002).

Каждая часть Учебника снабжена арабско-немеским словарем (I, с. 481—536; II, с. 1011—1112). Наблюдаются случаи, когда в них пропущены отдельные слова, употребляемые в текстах уроков, словарь же второй части повторно включает некоторое количество лексики первой части, в том числе «легкие», широкоупотребительные слова.

Мы не приводим здесь примеры опечаток, неизбежных в подобных изданиях за пределами арабских стран. Отметим, что издательство «Энциклопедия» проделало сложную и трудоемкую работу по выпуску данного Учебника на высоком техническом уровне.

Оценивая рецензируемый Учебник как целое, еще раз отметим новаторский подход авторов к проблемам обучения арабскому литературному языку, оригинальность и современность общеметодических установок, солидность аргументации грамматических положений, актуальность текстовых материалов.

Белкин В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reuschel W.* Zum Problem eines Grundkursmodells. — In: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humb.-Universität zu Berlin. Ges.-Sprachw.* R. 1974, Bd. XXIII, III, 2.

2. *Krahl G.* Lexikalische Probleme im Zusammenhang mit einem Grundkurs für Arabisch. — Там же.
3. *Blohm D.* Minimum und Optimum der im Unterricht zu vermittelnden arabischen Syntax. — Там же.
4. *Contributions to Arabic linguistics.* Ed. by Ch. A. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1960.
5. *Cadora F. J.* The teaching of spoken and written Arabic. — *Language learning*, 1965, v. XV, № 3—4.
6. *Cowan W.* Notes toward a definition of modern standard Arabic. — *Language learning*, 1968, v. XVIII, № 1—2.
7. *Beeston A. F. L.* Written Arabic: an approach to the basic structures. Cambridge, 1968.
8. *Сегаль В. С.* О произносительных стилях в арабском языке. — В кн.: *Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки.* М., 1970.
9. *Anis I.* Hawla ray fī qawlihim: sāfara muḥammad ʿalī ḥasan. — *Majallat majmaʿ al-luḡa al-ʿarabiyya bi-l-qāhira*, j. 20 (1966), s. 113.
10. *Kästner H.* *Phonetik und Phonologie des modernen Hocharabisch.* Leipzig, 1981.
11. *The Macmillan Arabic course. Book 1.* Write to left. Introduction to script and pronunciation. *Francis T., Frost M.*
12. *Reuschel W.* *Die Grammatik des modernen Hocharabisch.* — *Asien, Afrika, Lateinamerika*, 1978, № 5.
13. *Blau J.* *The renaissance of modern Hebrew and modern standard Arabic.* Berkeley, 1981, p. 148, 178.
14. *Husayn M. K.* An-Nahw al-maʿqūl. — *Majallat majmaʿ al-luḡa al-ʿarabiyya bi-l-qāhira*, j. 27 (1971), s. 24—59.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.

Автор рецензируемой работы, всесторонне осветив явление фоносемантики, предпринимает попытку построить единую научную теорию этой лингвистической дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему (ЗИС) языка.

Монография состоит из трех разделов, ааклчения, библиографии и приложения. Разделы формируются из 12 глав и 26 параграфов, имеющих сквозную нумерацию.

Уже само название как бы определило полемичность этой работы. Не случайно автор предваряет Введение словами известного африканиста Д. Вестермана: «Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Знание сопротивления подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетанство. Все это не мешает, однако, тому что подобные отношения действительно су-

ществуют...» [1]. С расширением исследований по звукоизобразительности выявлялись все новые факты, которые не поддавались адекватной интерпретации с позиций теории произвольности, немотивированности знака. Результаты, достигнутые в различных научных дисциплинах и собранные вместе, не составляли, однако, единого целого, их трудно было связать и правильно осмыслить. Таким образом, на определенном этапе возникла необходимость в строгом системном подходе, который носил бы междисциплинарный характер.

Материалом рецензируемой работы послужили 10 500 звукоизобразительных слов из более чем 100 языков, при этом привлекались английский, башкирский, индонезийский, а также селкупский, навайский, зулу и ряд других языков.

В разделе I «Фоносемантика как самостоятельная дисциплина» излагаются внешние и внутренние предпосылки фоносемантики. Целесообразность вве-

дения фоносемантики в качестве языковедческой дисциплины доказывается тем, что здесь обнаруживаются принципиально новые результаты и закономерности. Так самостоятельная дисциплина фоносемантика уникальна, т. е. не поддается адекватному изучению в рамках любой из существующих дисциплин. Фоносемантика утверждает себя на стыке фонетики (план выражения), семантики (план содержания) и лексикологии (совокупность этих планов) и связана с глоттогонией, с этимологией, со сравнительно-историческим языкознанием, с типологией. В пределах языковедческих дисциплин фоносемантика связана также с психолингвистикой.

К первому и основному методологическому принципу фоносемантики автор относит принцип мотивированности, «непроизвольности» (С. В. Воронин) языкового знака, «непроизвольности» связи между звуком и значением в слове. Утверждая принципиальную «непроизвольность», мотивированность языкового знака, автор не хочет тем самым сказать, что все без исключения слова в современном языке можно квалифицировать как мотивированные: на современном этапе развития этимологии многие слова не могут быть охарактеризованы как мотивированные. Сторонник «непроизвольности» в языке отнюдь не отрицает существования произвольности. В конкретном акте номинации выбирается некоторый признак объекта-денотата, полагаемый в основу номинации, — и в этом принципиальном моменте номинации мотивирована; выбор же именно данного конкретного признака во многом случаен — и в этом более частном моменте номинация во многом произвольна, немотивирована. К принципам фоносемантики относятся также принцип детерминизма (обусловленность звукового облика слова значением слова) и принцип отражения.

Раздел II «Звукоизобразительная система в пантопохронии», снабженный конкретным языковым материалом, имеет сложное деление. В первой части раздела («Синхронический аспект») описываются звукоподражательная и звукосимволическая подсистемы. Попытки субъективного характера связать звуковую (фонетический) облик звукоподражательного слова с характером звукового денотата встречаются у многих исследователей. Автор, однако, стремится в первую очередь установить, какими акустическими параметрами звучания-денотата обуславливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав звукоподражательного слова. В главе «Акустический денотат» устанавливается пять основных параметров звучания: высота, громкость, время, регулярность (периодичность колебаний), диссонантность; дается классификация классов и типов звучаний (соответственно три и девять); исследуется строение денотата (10 признаков-типов). В главе «Звукоподражательные слова» разрабатывается типология звукоподражательных слов, устанавливаются их классы и гиперклассы. Всего в 311С языка-эталона (английского) выделяется 18 типов звукоподражания, в бакирской ономастике — 15, в индо-

незийской — 13. Психоакустически фонемы могут быть представлены как совокупность определенных элементов — качественных (четыре) и количественных (три). Далее в разделе рассматривается звуко-символическая подсистема, ее психофизиологическая основа — акустический денотат и, в первую очередь, разнообразные кинемы и синестемия («ощущения» — «созмоции»). Синестемия определяется автором как психофизиологическая универсалия, лежащая в основе звуко-символизма как универсалии лингвистического (ср. *острый вкус, сладкие звуки, кислый запах* и т. п.). Становятся в связи с этими понятиями признаки звуко-символического слова (в основу номинации здесь могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека, кроме слуховой — в этом случае речь идет уже о звукоподражании). Это могут быть признаки, получаемые главным образом через обоняние, зрение, вкус, осязание. Выявление на основе анализа звуко-символического материала признаки звуко-символических слов и критерии их идентификации таковы: семантические критерии — 1) эмоциональность и экспрессивность, 2) образность семантики, 3) конкретность семантики, 4) обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека; грамматические критерии — 5) морфофизиологическая гипераномальность; словообразовательные критерии — 6) редупликация; структурно-фонетические критерии — 7) фонетическая гипераномальность, 8) относительное единообразие формы, 9) фонетическая гипервариативность (прогнетический сонорный, метатеза, «чередование гласных», «чередование согласных» — по способу, по месту артикуляции, по звонкости/глухости); функциональные критерии — 10) стилистическая ограниченность; интерлингвистические критерии — 11) типологическое сходство (изоморфизм) звуко-символических слов по разным языкам. В ходе эволюции звуко-символические слова обычно утрачивают свою первоначальную семантическую и функциональную ограниченность, «смешиваясь» со словами незвукоизобразительной сферы. Поэтому применение критериев 1—4, 10 оказывается действительным лишь в совокупности с этимологическим анализом.

В разделе II анализируются также и некоторые наиболее интересные разновидности кинесемизмов. В связи с описанием полиабазальных английских пепоративов вводится понятие звуко-символической зоны слова с четырьмя основными параметрами.

Помимо фонемного, зависимость денотата и на уровне текста (не только поэтического), и на морфемном уровне: ср., например, редупликацию (полноту участия) или удлинение гласного как показатель множественности, уменьшительные суффиксы. Подробно в работе описываются итеративные RL-форманты в различных языках мира (голл.-*eren*,

-vian: knetteren «трещать», wankelen «шататься»; индонез. -er-, -el-: geridip «сверкать», gelebak «звук от падения мешка фруктов, нескольких книг»).

Во второй части раздела II («Генетический и диахронический/эволюционный аспекты») речь идет о происхождении языка и его эволюции. Автор не претендует здесь на полное освещение этой проблемы; останавливаясь лишь на узловых моментах, имеющих прямое отношение к генетическому аспекту рассмотрения ЗИС, он предлагает свою глоттогоническую концепцию. При обсуждении проблемы автор четко разграничивает два круга вопросов: условия генезиса и собственно генезис (см. схему на с. 126 книги). Приводятся аргументы за и против теории Фюссей, анализируется соотношение жеста и звука. В своих аргументах автор, опираясь на новейшие данные приматологии и нейрофизиологии, приходит к следующему выводу: языковой знак на начальном этапе филогенеза отприродно (примарно) мотивирован, «образован».

В главе «Эволюция языка» широко используются данные по онтогенезу детской речи. Слова детской речи универсальны и в то же время конвенционализированы, как и любые другие примарно мотивированные, звукоизобразительные в своей основе слова. Эволюционируя, знак «удаляется» от означаемого, однако процесс денатурализации знака не означает его демотивации: происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, которая в значительной мере компенсируется секундарной мотивированностью — семантической и морфологической. «Маскировка» звукоизобразительной природы слова в процессе его денатурализации является основной причиной недостаточной разработки звукообразительных этимологий. Так, по подсчетам автора, объем дескриптивной лексики в ностратическом словаре В. М. Иллича-Свитыча в действительности превышает одну треть объема словника.

Завершив рассмотрение фоносемантики на эмпирическом уровне, автор переходит в разделе III «Теория звукоизобразительной системы в пантопохронии» к обсуждению предмета на теоретическом уровне. Наиболее общими понятиями фоносемантики являются категории «звукоизобразительная система» и «пантопохрония». Категория ЗИС обладает минимум 38 признаками. В онтологическом плане автор выявляет три компонента этой системы. В качестве системообразующего свойства (концепта) здесь выступает звукоизобразительность. Подчеркивается роль элементов мотивационной сферы и особенно роль мимотики. Анализируя фонетический субстрат системы, автор выделяет конкретные вариантные элементы (единицы) ЗИС. Категория фонематики выступает как основной инструмент исследования лингвистического яруса ЗИС и всей системы в целом. Важное значение имеет также категория словотики, или модели (см. главу о звукоподражательных словах). Структура системы рассматривается как совокупность внутрисистемных связей. В итоге, ЗИС категориально оценивается как множество элементов разных

уровней архисистемы языка. (а) обладающих системообразующим свойством, которое заключается в наличии закономерной «не-произвольной» фонетически (примарной) мотивированной связи между фонемами слова и мотивом когнитива, и (б) унорядоченных по совокупности отношений строения (синтагматических, парадигматических, иерархических), функционирования, порождения, развития и преобразования. Вторая наиболее общая категория фоносемантики — категория пантопохронии (пантопия — панхрония). Пантопия включает монотопию (рассмотрение ЗИС одного какого-либо языка) и политопию (рассмотрение ЗИС в любой совокупности языковых ареалов). ЗИС в политопии изучается фоносемантической типологией, основы которой, в сущности, закладываются в рецензируемой работе. В конце раздела рассматриваются фоносемантические закономерности (законы соответствия, гомоморфности, фоносемантические универсалии и др.) и эвристические возможности фоносемантики (в сфере функционирования знака, проблем типологии, происхождения знака, интерлингвистики).

Проведенным исследованием утверждается в правах самостоятельная языковедческая дисциплина, описывающая своим набором понятий и определений. Важное место в работе занимают формулируемые в ней принципы этой дисциплины. Убедительно доказывается, что материальная сторона языкового знака в своих истоках мотивирована. Автор предлагает перспективную программу дальнейших фоносемантических разработок, в частности, эмпирические системные исследования в отдельных языках, исследование психофизиологических основ звукоизобразительности, фоносемантический анализ лексико-семантических групп в разных языках. Обширная библиография в конце книги, с одной стороны, иллюстрирует междисциплинарный характер исследования, а с другой, свидетельствует о растущем научном интересе к проблеме звукоизобразительности в языке. К положительным характеристикам можно отнести и то, что монография С. В. Воронина располагает и творческой дискуссии по ряду важнейших вопросов языкознания.

Вероятно все же, что многим исследователям идея примарной мотивированности языкового знака покажется преждевременной или гипотетической, так как выявление первоначальной мотивированности звуковой стороны языковых единиц в большинстве случаев представляется сейчас едва ли возможным прежде всего в силу значительной «стертости» первоначального звучания, дефоносемантизации.

Возражение может вызвать и размещение так называемых звукоимволетических слов в звукоимволетической подсистеме: такие слова, как нам кажется, сплетаются с звукоподражательными словами. В подавляющем большинстве случаев звукоподражательные слова не передают, а символизуют звучание и нередко одновременно звукоописывают форму и некоторые другие признаки предмета или явления, т. е. выступают в роли звукооб-

разов, в принципе не отличающихся от «звуко-символических слов».

Заметим также, что исторически число звукоизобразительных слов может увеличиваться. Существенно также и то, что расширяется и совершенствуется набор фонетических средств, используемых для формирования звукоизобразительных слов. На фоне дефоносемантизации тем более очевидно появление большого числа дескриптивов, мотивированных лишь по форме. Это «корневые» слова с нулевой или «зачаточной» морфологией (например, японские «звуковые» жесты, идеофоны в африканских языках; ср. также англ. *hoity-toity*, нем. *wirr-warr*), которые формируют дополнительный класс слов со специфическими, в том числе грамматическими признаками. Описание аномальной грамматики таких слов могло бы существенно дополнить соответствующий раздел в рецензируемой книге.

Недостаточное количество примеров, сложная система терминов затрудняют понимание отдельных глав. Следует иметь в виду, что большинство читателей, по-видимому, не в полной мере знакомо с проблемами фоносемантики и читать «с листа» в ряде случаев им будет нелегко.

Наконец, резюме на английском языке в конце книги совершенно не раскрывает содержание этой интересной работы.

Журковский Б. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестерман Д. Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках. — В кн.: Африканское языкознание. М., 1963, с. 94.

Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. [К проблеме глоттогенеза славян. — М.: Наука, 1983. 108 с.

В книге В. В. Мартынова излагаются основные положения теории глоттогенеза (возникновения этноопределяющих языков) и приводится самый необходимый лингвистический материал для обоснования оригинальной гипотезы об этапах развития и прародине праславянского языка. Замысел автора сводится к тому, чтобы в явном виде представить логику рассуждений и важнейшие факты, на которых основана его гипотеза. Заинтересованный или заинтересованный читатель отсылается к работам [1—5], где содержится более полная аргументация отдельных положений и несколько полнее анализируются конкретные факты.

Общие проблемы, возникающие при исследовании глоттогенеза, рассматриваются В. В. Мартыновым во Введении (с. 3—13). Автор исходит из того, что «корректнее ставить вопрос о глоттогенезе этноса, если задача решается лингвистическими средствами» (с. 4). Глоттогенетическое исследование предполагает «строгую ретроспекцию при анализе материала» (с. 4) и классификацию поздних пластов лексики по происхождению. Последнее возможно в том случае, если отказаться от «презумпции исконности» (требующей исчерпать все возможности объяснения на основе данного языка, прежде чем искать иноязычный источник) и принять, что «поиску этимона всегда (даже в казалось бы ясных случаях) должна предшествовать пространственно-временная стратификация слова, а это фактически приводит к приоритету поиска иноязычного источника» (с. 4). Сразу же отметим, что последнее положение можно принять только в том случае, если под этимонам понимается достаточно глубокая реконструкция (например, до уровня и.-е. диалекта).

Из сказанного, однако, вовсе не следует правомерность авторского предостережения «против обычного порядка представления данных», когда «традиционно сначала устанавливается генетическое тождество..., а затем демонстрируется пространственное распределение этих форм...» (с. 5). Очевидно, без предварительного установления генетического родства языков, а, значит, и некоторого множества форм, вопрос о реальном пространстве и времени глоттогенеза не может быть поставлен вообще. Действительно, в первом случае выявляются регулярные (закономерные) отношения, во втором, идет поиск нерегулярностей, отклонений от них.

Установить прародину языка и время его формирования возможно путем обнаружения «контактов данного языка с языками, пространственно-временная стратификация которых известна предварительно» (с. 5). «Лексические соответствия для двух территориально смежных языков...» — если они не восходят к общему праязыковому состоянию — должны «рассматриваться в первую очередь как результат лексического проникновения (инфильтрации)...» (с. 6). Основными критериями определения проникновений являются фонетический, семантический, словообразовательный и лингвогеографический (смежность языков) (с. 7). Проникновениями (инфильтрациями) называются заимствованные лексемы, имеющие синонимические соответствия в языке-реципиенте. Поиск пар идеографических абсолютных синонимов — сугубо лингвистическая процедура, что делает ее методологически важным инструментом исследования (с. 8).

Труднее поддается интерпретации понятие ингредиента, вводимое В. В. Мартыновым (с. 7—8). С одной стороны, это